

16 НОЯБРЯ 1984 ГОДА.

Званный гость

Где бы ни встретил фамилию Богословского — на вечоре смеха в Останкино, на серьезном солидном концерте в Колонном зале Дома союзов, в передаче телевидения, на 16-й полосе

«Литературной газеты», — заранее уверен, что это будет интересно, это надо обязательно смотреть, читать, слушать. Потому что это будет интересная мысль, и она разбудит мысль ответную. Узнав, что известный

композитор Никита БОГОСЛОВСКИЙ в Алма-Ате на Всесоюзном фестивале советской музыки, мы позвонили ему, и Никита Владимирович сразу же согласился встретиться.

СЛОВА НЕ СКАЗАНЫ, А СПЕТЫ

— Никита Владимирович, вы «планируете» популярность своих песен?

— Никогда в жизни. Иногда работаю над вещью по месяцу-полтора, а она не звучит, иногда — два часа, а она вдруг становится популярной. Так получилась у нас с Михаилом Пляцковским «Кукушка». Мне понравились стихи, сразу родилась интонация — своеобразный ритмический сбой, манок. В любой песне стараюсь найти этот «трюк»: либо интонационно, либо ритмически, либо гармонически, но манок должен быть всегда. В чем он? Ни в коем случае не в стилизации, это противно всякой индивидуальности, которая, естественно, должна быть у музыканта, как минимум. «Ловлю в воздухе» интонации, но не подделываюсь...

Многие композиторы обижаются, что их не знают в широкой публике как авторов хороших популярных вещей. А мне, признаюсь, это незнание дороже всего: потому что мелкое честолюбие отсутствует, но крупная радость — присутствует. Недавно на радио пришло письмо от женщины. Она пишет, что «Темную ночь» пела еще во время империалистической войны...

— Сейчас каждый уважающий себя ансамбль хочет иметь свой репертуар. Ищет свою «изюминку». Может, причина в желании неординарности, тяга к «немассовости», что ли?

— Это наивные, часто бессмысленные потуги. Самый верный показатель качества песни — популярность ее у народа, ее массовость.

Не случайно многие ВИА, несмотря на внешнюю разностильность, остаются близкими, однообразными, с кустарными претенциозными сочинениями, как правило, на тему коварной любви. А ведь до сих пор живут простые, казалось бы, безыскусные песни Марка Бернеса, Леонида Утесова.

Существует очень вредное, совершенно неопределенное понятие «шлягера»: с одной стороны, это временное название песни, имеющей немедленный успех. Шлягером, представьте, были «Подмосковные вечера». С другой, независимо от качества, шлягер — это повсюду звучащее. Вот последним, весьма недолговечным свойством и изобилуют некоторые, с позволения сказать, «яркие» ансамбли, которые сорентированы на дешевый эффект. И это развивается на фоне общей высокой музыкальной культуры, сложных по содержанию, жанру, музыкальной технике сочинений.

Сейчас появилось большое количество молодых людей, которые сами сочиняют музыку. Профессиональные композиторы боятся впасть в примитив и самоустраиваются в рок-оперы, симфонии и другие сложные жанры, чтобы не уподобиться некоторым полуратонным самодеятельным авторам. А между тем, это очень трудная задача — создать простую, благородную, содержательную и понятную, близкую всем песню. К этому мы все стремимся.

Сейчас сочиняю такие песни под гитару. Аккомпанемент — очень простой, но делаю их с большой опаской. Высоцкий при жизни как-то говорил мне: «Песня — способ наиболее настойчиво показать стихи». Действительно, когда слова не сказаны, а спеты, это западает в душу.

В структуре строф «Евгения Онегина» две последние строки ударные. Приблизительно этот же принцип должен работать и в массовой песне. Магия сочетания слова и музыки и убедительное подтверждение интонации слова. Находишь какой-то способ единения с поэтом, иногда сознательно собой «жертвуешь».

Я всегда писал для молодежи — она вырастала, если доверяла тебе, твоей песне, передавала ее следующему поколению. Если она выдерживала испытание временем, то жила уже вместе с другим молодым поколением... У песни, как у человека, своя судьба. Счастлива, что вот уже 47 лет жива песня, написанная для молодых, — «Если ранили друга» из кинофильма «Остров сокровищ».

— Вы — частый автор 16-й страницы «Литературной газеты», у вас четыре книги юмора и даже один роман «Интересное кино» с подзаголовком «Великий не мой». В музыке же вы — больше лирик, чем юморист.

— Да, несмотря на мой веселый нрав, в песнях у меня преобладает гражданская лирика, интонации пасторальные, даже трагические. Но вот последнее сочинение с очень серьезным названием — струнный квартет № 2 — веселое. Здесь каждый инструмент играет актерскую роль, это своеобразный инструментальный театр.

Первый скетч — разговор двух влюбленных: первая скрипка — она и альт — он. Нежно воркуют, затем бурно ругаются. Затем снова души друг в друге не чают — похоже на сюжет из мелодрамы начала века.

Второй скетч — колыбельная. Действующие лица: грудной ребенок, мать, соседка, звонящая по телефону, поздно вернувшийся «не очень трезвый» муж. Мать усыпляет ребенка, муж начинает подключаться к колыбельной. Засыпает жена, храпит муж и нежно спит ребенок — все это передано средствами музыки.

Третий скетч — «Отчетно-выборное собрание членов ЖСК». Председатель собрания — альт. Докладчик — виолончель — читает свой монотонный, выдержанный в обычном, занудном стиле доклад. Начинаются прения. Голос подает первая скрипка. Вторая скрипка — тоже ораторша — очень агрессивная, сразу начинает нападать на председателя кооператива. Разражается жуткий скандал. Резолюция: за — 16 человек, против — 2.

Это сочинение покажу в Театральной гостиной по телевидению, часть отдам мультипликаторам — юмор и мультипликация одинаково выразительны.

Меня давно подмывает написать пародии на письма некоторых молодых людей, например, в молодежную газету: «Дорогая редакция, мы с Ваней разошлись, но по-прежнему горячо любим друг друга, что нам делать?» или «Мы давно ненавидим друг друга, но у нас есть маленький Саша, нельзя оставить ребенка без отца — как жить дальше?». Но осторожные люди говорят, не нужно этого делать. Говорят, будет пародия на душевные порывы...

— Очень жаль...

— А хотите, поделюсь с вами из неопубликованного? По-моему, вполне невинные фразы:

«Если нет денег, то лучше еще, чем у же».

«Пианист, играя, пачкал пальцы о черные клавиши и тут же вытирал их о белье».

Или вот это:

«На днях в Копайске произошел концерт ВИА «Самосвалы» мощностью в 45 децибел. Есть жертвы и разрушения».

«За низкий художественный уровень перевести ансамбль «Гром и молнии» с 220 на 127 вольт».

Или:

Мой друг, писатель, за кордон Жизнь изучать отправился на дорогу. Из той поездки мало вынес он, Но из нее он вывез очень много.

— Андрей Богословский — тоже писатель и тоже композитор, автор популярной рок-оперы «Алые паруса» — ваш сын?

— Да, сын. Андрей окончил Литературный институт имени Горького, факультет поэзии. Печатал в «Юности» подборку стихов, там же первую свою повесть «Верочка» — о том, как затюкали в классе некрасивую девочку. После публикации Андрею пришлось много теплых, очень искренних писем.

Он прошел у меня также полный консерваторский композиторский курс, написал несколько песен, например, «Рисуют мальчики войну». «Алые паруса» Андрей написал в 21 год, недавно вышел двойной диск оперы. Она идет в двух московских театрах, звучит в театрах Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Австрии. Но музыка для него — не главное. Сейчас пишет роман о судьбах двух братьев, один из которых эмигрировал в годы революции во Францию.

Спорим ли мы? Почти нет. И в литературе, и в музыке вкусы одинаковые, хотя, мне кажется, сын выработал их самостоятельно.

— Вам, как автору многих популярных песен — как президенту общества «СССР — Франция», приходится много путешествовать...

— 30 лет назад я был в одном городе — Алма-Ате: милый, теплый, провинциальный городок. На днях прилетел в город под таким же названием, но впечатление совершенно иное. Город удивительный, в архитектуре живут человечность и душа, здания разные по форме, но национальная стилистика, окружающая природа, горы учены на редкость точно и тонко. И люди, как закон, попадают о очаровательные, очень расположенные, добрые — это, кстати, не только мое мнение.

Иногда на встречах говорят: «Я никогда не забуду ваш город», — и это неправда. Многие забываются, стирается временем. Но убежден, что буду помнить эти встречи очень долго, еще не раз к ним мысленно возвращаться.

Не был, как ни странно, в Китае и Англии. Париж знаю лучше родной Москвы. Сотрудничаю с Франсисом Лемарком, Мишелем Леграном, Филиппом Жераром. Филипп, кстати, единственный из иностранцев, удостоенный премии Всесоюзного Ленинского комсомола за песню «Октябрь», написанную к 50-летию нашей страны. Последнюю пластинку «Четыре песни в стиле ретро» мы написали с ним вместе и сильно веселились, вспоминая молодость. Нашу, как сегодня думаешь, во многом

бестолковую юность. Филипп Жерар, надо сказать, воевал во французском Сопротивлении.

— В отличие от нынешних молодых композиторов — как правило сорокалетних — ваше поколение имело иные критерии возраста. С другой стороны — у нас процветает «вундеркиндство», примеров много...

— Честно признаюсь, понятия не имею, как бороться с инфантилизмом. Может, не учим песенному жанру как следует, сами же воспитываем сознание его ущербности, что ли. Может, в консерваториях надо ввести курс, факультет. Причем у нас очень трудно принимают песенников в Союз композиторов. За 11 последних лет туда не приняли никого, кроме Тухманова. Не принимают и уже вполне сложившихся Мовсисяна и Мартынова, уже не молодых и к тому же лауреатов премии Ленинского комсомола страны.

Недавно в «Московском комсомольце» один мой коллега (он отвечает в Союзе композиторов за работу с молодыми) опубликовал статью, где молодыми называют всех композиторов в возрасте от 37 до 52 лет. Я написал туда же своеобразное опровержение: непонятным образом оместились понятия взросления и акселерации, а ведь вспомните: Шуберт умер в 27 лет! Неоправданное распространение получило выражение: «Раз молод, значит, талантлив».

У нас было несколько другое понятие о молодости. На премьеру своей первой вещи — оперетты «Как ее зовут» я приехал вместе с мамой, когда мне было 15 лет. Не берусь, правда, судить о том сочинении...

А мой первый учитель А. К. Глазунов после первой своей симфонии вышел кланяться в гимназическом мундире.

Вообще-то, в глубоком детстве я не видел музыку. Судите сами. За рояль меня засадили с трех лет. Но к десяти годам сам к нему потянулся, и тогда мама и дядя — профессиональные музыканты — решили показать меня Александру Константиновичу Глазунову: авось, говорили, что-нибудь из этого отрока и получится. Александр Константинович благосклонно разрешил мне приходить к нему домой по воскресеньям, и я до сих пор вспоминаю эти встречи как легенду.

Убежден, что не может стать композитором человек, который взялся писать музыку после 20 лет. Но «вундеркиндство» — тяжелая, болезненная проблема. В музыкальном исполнительском мастерстве вредные случаи «перевосхваления» особенно часты. Не надо умиляться, надо уважать юного музыканта и воспринимать его как коллегу. Очень боюсь за судьбу скрипача Димы Репина: примеров дальнейших провалов действительно масса. В Париже приходилось слушать Вилли Ферреро. Довольно рядовой, я вам скажу, музыкант, а еще до революции, в Петербурге, он в четыре года дирижировал целым оркестром. Газеты умилялись, подробно живописали, как в перерыве за кулисами он водил игрушечные поезда, и вот доумилились. И это, я считаю, закономерно. Дайте человеку нормально развиваться.

В семь лет, при самых огромных талантах, невозможно получить всеобъемлющего образования. А реклама настойчиво втирает в наивную, неокрепшую детскую душу сознание: «Ах, какой я замечательный!». Это не проходит бесследно. Но вот недавно еще раз увидел рукопись оперы Прокофьева «Великан», созданную им в восьмилетнем возрасте, и подумал: дай бог взрослому так написать.

— А когда все-таки мы будем петь ваши новые песни под гитару?

— Секрет.

С гостем беседовала А. УТЕШЕВА.

НА СНИМКЕ: первый секретарь правления Союза композиторов Казахстана, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Е. Р. Рахмадиев, народный артист СССР, лауреат Государственной премии Н. В. Богословский.

НА СНИМКАХ:

◆ Председатель правления Союза композиторов Таджикистана Ш. Сайфиддинов дает автографы.

◆ Марк Фрадкин с женой Райсой Марковой.

◆ Поет солистка театра оперы и балета Бурятской АССР Сурэна Дащициренова.

Самое замечательное в празднике — его ожидание. Но вот он приходит, и... завертелась круговорот встреч, масса новых впечатлений, мыслей. Три мгновения фестиваля выхватил объектив фотоаппарата. А фестиваль продолжается.

